

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-85-91

ПРАВО НА ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Певцова Н. С.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ правовой возможности наличия права на физическое существование у искусственного интеллекта (ИИ), который активно внедряется в правовую действительность.

Процедура и методы. В исследовании использованы методы: сравнительно-правовой, исторический, формально-логический, юридико-догматический, а также методы анализа и синтеза.

Результаты. Искусственный интеллект, который имеет множество пониманий в зависимости от сфер его применения на практике, с позиции конституционного права пока ещё не достиг правового статуса равного человеку, а потому на данный момент не видится возможным его причислять к полноценным субъектам конституционно-правовых отношений. Вместе с тем, нельзя недооценивать тезисы о том, что в будущем искусственный интеллект способен стать полноправным носителем прав, свобод и обязанностей, в т. ч. права на физическое существование.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы, сделанные в ходе исследования, направлены на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере обеспечения и защиты неимущественных прав человека, в т. ч. права на физическое существование. Результаты работы могут быть использованы не только в правоприменительной деятельности, но и в процессе преподавания конституционного права.

Ключевые слова: право на физическое существование, искусственный интеллект, право на жизнь, право на охрану здоровья, право на медицинскую помощь

THE RIGHT TO THE PHYSICAL EXISTENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FICTION OR REALITY?

N. Pevtsova

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie gorki 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. Analysis of the legal possibility of the right to artificial intelligence physical existence (AI), which is actively being introduced into legal reality.

Methodology. The study uses the following methods: comparative-legal, historical, formal-logical, legal-dogmatic, as well as the methods of analysis and synthesis.

Results. Artificial intelligence, which has many interpretations depending on the spheres of its application in practice, has not yet reached the legal status of equal to human intelligence from the standpoint of constitutional law, and therefore at the moment it does not seem possible to classify it as a full-fledged subject of constitutional legal relations. At the same time, one cannot underestimate the theses that in the future artificial intelligence is able to become a full bearer of rights, freedoms and obligations, including the right to physical existence.

Research implications. The conclusions of the study are aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of ensuring and protecting non-essential human rights, including the right to physical existence. The results of the work can be used not only in law enforcement activities, but also in the process of teaching constitutional law.

Keywords: right to physical existence, artificial intelligence, the right to life, the right to health care, the right to medical care

Введение

В последние годы все больше научных трактатов посвящено искусственному интеллекту (ИИ), и тема его существования переходит из разряда фантастических в поле научных серьёзных дискуссий. Более того, цифровой мир породил новые вопросы о правовом поле развития искусственного интеллекта, сфере «его деятельности в реальной жизни», где одновременно с ним существует и сам человек.

Если обратиться к истории появления ИИ, то стоит выделить следующие основные события, повлиявшие на его возникновение и эволюцию: создание в 1950-х гг. специальных систем, которые с помощью алгоритмов искали решения на основе заданных условий, а также возникновение так называемого машинного обучения, благодаря чему появилась возможность находить решение не из перечня заданных возможных результатов, а качественно новое, не похожее на предыдущие варианты.

Термин ИИ (*Artificial Intelligence* или AI) в 1956 г. сформулировал Д. Маккарти. Под ним подразумевалась особенность роботов, компьютерных программ и систем, которые могли выполнять интеллектуальные и творческие функции человека. Такие машины уже в те годы были способны самостоятельно искать эффективные способы решения задач, демонстрировали умения делать выводы и находить решения [1].

В 1980 г. Дж. Серл в работе «Китайская комната» высказал мысль о наличии сильного и слабого ИИ. При этом он пояснил, что сильный ИИ способен мыслить, иметь сознание и воспринимать себя как личность, в то время как слабый ИИ это делать не может. По мнению П. М. Морхата,

термин «слабый ИИ» был введён в целях акцентирования внимания на выполнении им только одной задачи [6]. Следует иметь в виду, что робототехника и ИИ выступают двумя разными активно развивающимися областями науки и техники. ИИ не сразу попал в поле внимания юристов, ибо вначале это казалось утопией, и его действия не соприкасались с правовой жизнью. Однако шли годы, и ИИ стал заявлять о себе всё настойчивее, вторгаясь в правовую жизнь, что потребовало более чёткого его правового определения [3; 8; 11].

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возрастающим интересом общества к «способностям» искусственного интеллекта, что порождает пристальное внимание к проблемам, связанным с физическим состоянием человека: ценностям жизни, здоровья (с учётом появления и мутирования новой коронавирусной инфекции), биологической, продуктовой безопасности, благоприятной окружающей среды (в т. ч. правом на чистый воздух и чистую питьевую воду) и др., а также с заботой о личности и будущих поколениях на Земле.

О понимании правового содержания термина «Искусственный интеллект»

В настоящее время нет единого понимания термина «искусственный интеллект» как среди юристов, так и среди представителей других специальностей. Даже в юридической науке существует достаточно много определений. Например, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утверждённой Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской

Федерации»¹ под термином «искусственный интеллект» понимается «комплекс технологических решений, благодаря чему возможно имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Наблюдается вариативность понимания фразы об «имитации когнитивных функций человека» (в частности, в XX в. под имитацией понималась способность машины вести обычный счёт), и не исключено, что в будущем оно будет смешено по значению с самой когнитивной функцией человека [2].

Кроме того, действующее российское законодательство не раскрывает понятия термина «самообучение», что также позволяет по-разному трактовать понимание ИИ. Конечным итогом процесса имитации когнитивных человеческих функций могут стать результаты интеллектуальной деятельности человека (ст. 1225 ГК РФ), что потребует изменения правового регулирования режима объектов интеллектуальной собственности на такие результаты [5].

Различные дефиниции ИИ закреплены, в т. ч. в «дорожной карте» развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект», где под ИИ понимается комплекс технологических решений, имитирующих человеческие функции и достигающий результаты, сопоставимые с его интеллектуальной деятельностью [6]. В соответствии с п. 3.20 ГОСТ Р 43.0.7-2011 искусственный интеллект – это моделируемая (искусственно-воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека².

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 06.08.2022).

² ГОСТ Р 43.0.8-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обе-

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.³ разъяснено, что следствием отсутствия однозначной законодательной трактовки термина «искусственный интеллект», могут возникнуть сложности как в правовом регулировании правоотношений с ИИ, также и в складывании правоприменительной практики. С учётом сказанного, а также на основании прикладного характера применения ИИ (в зависимости от отрасли, где он применяется), формулировка дефиниции ИИ должна коррелировать со сферой его использования на практике [9].

Прежде чем попробовать сформулировать определение ИИ с учётом конституционного права, обратимся к позиции А. В. Нечкина [7], согласно которой конституционно-правовой статус «сильного» ИИ должен быть сформулирован подобно конституционно-правовому статусу человека, за исключением правоспособности, которая, на его взгляд, по своей природе близка к правоспособности юридических лиц и органов публичной власти.

Согласно Конституции РФ⁴ именно человек, его права и свободы признаются высшей ценностью (ст. 3), в связи с этим нельзя не согласиться с позицией Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина о том, что «задача права заключается в создании универсальных механизмов, способствующих сохранению цивилизации права, определяя коридор

спечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие. Общие положения // Консорциум кодекс: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200146327> (дата обращения: 06.08.2022).

³ Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628> (дата обращения: 06.08.2022).

⁴ Конституция Российской Федерации // Конституция: [сайт]. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 06.08.2022).

вторжения человечества в искусственный мир новых технологий» [2].

Хотя термин ИИ отсутствует в тексте Конституции РФ, в ней указано, что к сфере исключительного ведения Российской Федерации (ст. 71) относятся: информация, информационные технологии связь (п. «и» ст. 71), обеспечение безопасности личности и государства и государства при применении информационных технологий (п. «м» ст. 71), установление основ федеральной политики и федеральных программ в области научно-технологического развития Российской Федерации (п. «е» ст. 71).

На основе вышесказанного предложим формулировку определения ИИ применительно к конституционному праву: *искусственный интеллект – это техническое устройство, способное к принятию, обработке и передачи информации, в т. ч. автономно (простой ИИ), способное к самообучению, и на основе анализа и приобретённого опыта способное к принятию самостоятельных решений, которое в будущем может обладать разумом и сознанием, а значит, со временем способное выступать субъектом конституционных правоотношений, приобретать и иметь конституционные права, свободы и нести обязанности, правоспособность которого наступит с момента создания (запуска в работу), а дееспособность которого может зависеть от набора навыков и особенностей каждого технического устройства индивидуально (о чём в будущем должен свидетельствовать специальный технический паспорт с необходимыми характеристиками устройства).*

Таким образом, искусственный интеллект включает в себя ряд специфических свойств, позволяющих в скором времени причислить его к новому субъекту правовых отношений, отвечающим современным реалиям развития высокоинтеллектуальных систем, что свидетельствует о возникновении условий для изменения правовой базы по данной теме [6].

В качестве доказательства тезиса о возможности ИИ в ближайшем будущем

выступать субъектом конституционно-правовых отношений отметим, что, по мнению некоторых юристов [11], ИИ способен намного эффективнее и производительнее человека выполнять возложенные на него функции, в частности, по осуществлению правосудия, при этом решения такого судьи могут быть на стадии апелляции «проверены» человеком-судьей. Именно это может значительно снизить нагрузки по финансированию судов первой инстанции [4]. Что касается предложений по совершенствованию правового регулирования данной проблемы в Российской Федерации, полагаем, для подобных объектов можно создать особый правовой режим *sui generis*: в зависимости от конкретной ситуации предоставлять право интеллектуальной собственности на объект, созданный ИИ, либо лицу, создавшему ИИ (или обладающим правами на него), либо признать собственность за таким объектом в качестве общественного достояния, либо назначить правообладателем данного права самого ИИ.

Зарубежный опыт

В Германии, например, где авторское право считается личностным, а, следовательно, неотчуждаемым правом (кроме права на наследование), произведением признаётся результат созидательной деятельности человека, «который передаёт человеческие мысли и чувства» [11], в этой связи не может быть охраноспособным что-либо, созданное без участия человека [8]. Подтверждением тому выступает положение §7 Закона об авторском праве Германии (*Gesetz betreffend das Urheberrecht an Werken der bildenden und der Photographie*), где указано, что автором, т. е. создателем произведения, может быть *только человек* как физическое лицо.

В США снова функционирует пилотный проект по использованию ИИ в судебной системе (на несколько месяцев был приостановлен из-за пандемии COVID-19). Его особенности заключаются в непредвзятом поиске меры пресечения. В то же

время нельзя не упомянуть о скандале 2012 г., когда организация ProPublica, проанализировав более 7 000 решений, вынесенных в США с использованием системы COMPAS на территории одного судебного округа [8], пришли к выводу, что система стала выносить дискриминационные решения по принципу цвета кожи (она в 2 раза чаще выдавала «неблагоприятный» ошибочный результат в отношении чернокожих и в 2 раза чаще – «благоприятный» в отношении белых). Специалистом в сфере изучения ИИ М. Бруссард было обращено внимание на то, что причиной проблемы в данной ситуации стали доходы граждан (у чернокожих в основном наблюдался более низкий доход). Именно это и привело к ошибке в форме расовой дискриминации [8; 10].

Во избежание повтора подобных ситуаций 3 декабря 2018 г. была принята Европейская этическая хартия об использовании ИИ в судебных системах и окружающих их реалиях, в которой сформулированы 5 принципов. На основе выработанных и закреплённых постулатов должны проводиться будущие разработки и внедрение ИИ в правосудие: гарантированность и отсутствие нарушений основных прав и свобод человека; запрет какой-либо дискриминации; безопасность и качество правосудия; открытость, прозрачность, беспристрастность и достоверность; возможность осуществления контроля человеком.

В этой связи очевидна необходимость того, чтобы действия ИИ не приводили к злоупотреблению электронными технологиями, а это может привести к нарушениям прав граждан. (*Roman Zakharov v. Russia*) (Постановление от 4 декабря 2015 г., жалоба № 47143/06) [5].

В Великобритании ИИ используется для прогнозирования решений Европейского суда по правам человека. Алгоритм был составлен на основе 584 решений ЕСПЧ. По словам некоторых учёных [12], такие технологии позволяют определять исход судебных процессов в 79% случаев, они также помогают выявлению положений

Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), которые наиболее часто нарушаются на практике [5].

Российский опыт

В Российской Федерации также активно применяется ИИ, в частности, ПАО «Сбербанк» не только создал, но и запатентовал систему на базе ИИ для проверки юридических лиц на правоспособность. Так специальный робот-юрист помогает подготавливать юридические заключения (на данный момент составлено уже несколько миллионов таких заключений).

Однако говорить о том, что уже сейчас ИИ стал полностью подобен человеку нельзя. Кроме того, важно чтобы внедрение ИИ в нашу жизнь не повлияло на способность человека думать, создавать и познавать произведения искусства, литературы, музыки, всего того, что формирует личность и его чувство ответственности, чтобы человек не потерял самого себя. Другими словами, несмотря на то, что присутствует тенденция постепенного вытеснения ИИ многих компетенций человека в правовом пространстве, ИИ пока не способен к сохранению и накоплению человеческих ценностей, важных принципов справедливости, морали и нравственности [5].

Именно поэтому в Российской Федерации создаются пилотные проекты, проводятся эксперименты по внедрению ИИ в целях учёта всех его особенностей, его возможного влияния на будущее общество и человечество [5].

Заключение

Рассуждая над вопросом о возможности в будущем быть искусственному интеллекту носителем прав, в частности, иметь такое универсальное, основное, абсолютное право, как право на физическое существование, следует исходить из особенностей сущности данного понятия. Так, физическое существование человека выступает процессом, расширяющим границы человеческих возможностей, направленным на свободное и конструктивное участие в ре-

альной жизни, распределение получаемых благ, основанных на принципе равенства, целью которого выступает возможность осуществление всех прав человека и основных свобод.

Стоит заметить, что право на физическое существование является комплексным субъективным правом, включающим естественно-природные и социокультурные начала. На наш взгляд, оно нуждается в закреплении на уровне Конституции РФ, гарантировании со стороны государства субъективной возможности человека существовать и развиваться в своём предназначении.

Право на физическое существование следует относить к универсальным правам человека. Право на физическое существование обладает так называемой интегрированной природой: оно является своеобразным вектором к возникновению и реализации других прав; его субъектами, или носителями, являются не только каждый человек, но и коллективный субъект (в т. ч. будущие поколения).

А вот в части искусственного интеллекта важно обратить внимание на возможность физического (в значении телесного) существования, и это может быть связано с моментом создания ИИ, в то время как само комплексное право на физическое существование в будущем с учётом совершенствования ИИ может также распространиться на такой новый субъект конституционно-правовых отношений как ИИ.

Если искусственный интеллект, обладающий сознанием, действительно есть реальность, или это перспектива настоящего ближайшего будущего, значит он будет иметь комплекс прав и обязанностей, закреплённых на сегодняшний день законодательно за каждым человеком. Таким образом, рассуждая о будущем применительно к ИИ, нельзя отрицать возможность появления у него права на физическое существование, однако пока это только предположения, требующие детального фактического подтверждения.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбицкая И., Косяков А. Искусственный интеллект для юристов // Юридический справочник руководителя. 2022. № 1. С. 79–84.
2. Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58–68.
3. Блажеев В. В., Егорова М. А., Барабашев А. Г. и др. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии. М.: Проспект, 2020. 236 с.
4. Ибрагимов Р. С., Сурагина Е. Д., Чурилова Д. Ю. Этика и регулирование искусственного интеллекта // Закон. 2021. № 8. С. 85–95.
5. Левушкин А. Н., Тюлин А. В. Deepfake и системы искусственного интеллекта в парадигме развития цифрового права // Юрист. 2021. № 11. С. 19–24.
6. Малько А. В., Костенко М. А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 52–54.
7. Нечкин А. В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 8. С. 78–85.
8. Певцова Е. А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 19–31.
9. Степанян А. С. Перспективы применения искусственного интеллекта в семейных правоотношениях: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 26–29.
10. Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в правосудии // Закон. 2021. № 4. С. 91–107.
11. Черногор Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 5–15.
12. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective / N. Aletras, D. Tsarapatsanis, D. Preotiuc-Pietro, V. Lampos // PeerJ Computer Science. 2016. № 10. DOI: 10.7717/cs.93.

REFERENCES

1. Albitskaya I., Kosyakov A. [Artificial intelligence for lawyers]. In: *Yuridicheskiy spravochnik rukovoditelya* [Legal directory of the head], 2022, no. 1, pp. 79–84.
2. Andreev V. K. [Dynamics of the legal application of artificial intelligence regulation]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2020, no. 3, pp. 58–68.
3. Blazheev V. V., Egorova M. A., Barabashev A. G. et al. *Pravovoye regulirovaniye iskusstvennogo intellekta v usloviyakh pandemii i infodemii* [Legal regulation of artificial intelligence in a pandemic and infodemic]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 236 p.
4. Ibragimov R. S., Suragina E. D., Churilova D. Yu. [Ethics and regulation of artificial intelligence]. In: *Zakon* [Law], 2021, no. 8, pp. 85–95.
5. Levushkin A. N., Tyulin A. V. [Deepfake and the system of artificial intelligence in the paradigm of the development of free rights]. In: *Yurist* [Lawyer], 2021, no. 11, pp. 19–24.
6. Malko A. V., Kostenko M. A. [Digital technologies in the judicial system: problems of implementation]. In: *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2019, no. 2, pp. 52–54.
7. Nechkin A. V. Constitutional and legal status of artificial intelligence in Russia: present and future]. In: *Lex Russica (Russkiy zakon)* [Lex Russica (Russian law)], 2020, vol. 73, no. 8, pp. 78–85.
8. Pevtsova E. A. [The impact of artificial intelligence on human legal activity]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2020, no. 9, pp. 19–31.
9. Stepanyan A. S. [Prospects for the use of artificial intelligence in family legal relations: problems of theory and practice]. In: *Semeynoye i zhilishchnoye pravo* [Family and housing law], 2021, no. 3, pp. 26–29.
10. Tsvetkov Yu. A. [Artificial intelligence in justice]. In: *Zakon* [Law], 2021, no. 4, pp. 91–107.
11. Chernogor N. N. [Artificial intelligence and its role in the transformation of the modern legal order]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2022, no. 4, pp. 5–15.
12. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective. In: *PeerJ Computer Science*, 2016, no. 10. DOI: 10.7717/cs.93

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Певцова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: natalipevtsova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia S. Pevtsova – post-graduate student, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: natalipevtsova@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Певцова Н. С. Право на физическое существование искусственного интеллекта: вымысел или реальность? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 85–91.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-85-91

FOR CITATION

Pevtsova N. S. The Right to the Physical Existence of Artificial Intelligence: Fiction or Reality? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 85–91.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-85-91